
К. Н. ХОЛОДНОВА

ЮРОДИВЫЙ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Герои-юродивые, созданные Ф. М. Достоевским в его произведениях, давно привлекают к себе внимание исследователей творчества великого писателя и философа. В данной статье будут проанализированы некоторые из существующих трактовок, а именно взгляды С. Н. Булгакова и В. И. Иванова на феномен юродствования у Ф. М. Достоевского. Автор статьи также предпринимает попытку впервые в научной литературе исследовать юродивых у Ф. М. Достоевского как антропологический тип и доказать, что истоки юродства коренятся в двойственности человеческой природы. Главным методом исследования становится антропологический анализ, вспомогательными – текстологический и сравнительный. Основными героями, к анализу которых обращается автор данной статьи, являются Соня Мармеладова из романа «Преступление и наказание» и Марья Тимофеевна Лебядкина из романа «Бесы». Такой выбор героев не случаен. Хромоножка – один из примеров классического юродивого в творчестве Ф. М. Достоевского, а юродство Сонечки Мармеладовой до сих пор некоторыми исследователями ставится под сомнение. Анализ двух разных образов юродивых поможет выявить то общее, что было, по Ф. М. Достоевскому, сердцевиной юродства как феномена. Также предполагается точечное обращение к образам Лизаветы Смердящей, князя Мышкина и Алеши Карамазова. Юродивый будет восприниматься автором не как сумасшедший, а как человек обратной перспективы, который редуцирует сущее и подчиняется лишь внутреннему причинению.

Ключевые слова: юродивый, философия Ф. М. Достоевского, антропология, двойственность, сознание, Бог, человек, человеческое в человеке.

---

* **Для цитирования:** Холоднова К. Н. Юродивый как антропологический тип в романах Ф. М. Достоевского // Философия и общество. 2024. № 3. С. 39–50. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.04.

For citation: Kholodnova K. N. The Holy Fool as an Anthropological Type in Fyodor Dostoevsky's Novels // Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society. 2024. No. 3. Pp. 39–50. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.04 (in Russian).

Философия и общество, № 3 2024 39–50

DOI: 10.30884/jfio/2024.03.04

The characters of holy fools created by Fyodor M. Dostoevsky have long attracted the attention of researchers of the works of the great writer and philosopher. The article analyzes some of the existing interpretations, namely the views of Sergey N. Bulgakov and Vyacheslav I. Ivanov on Fyodor Dostoevsky's phenomenon of foolishness. The author of the article also attempts, for the first time in academic literature, to study Dostoevsky's holy fools as an anthropological type and to prove that the origins of foolishness are rooted in the duality of human nature. Anthropological analysis becomes the main method of research, textual and comparative analysis become auxiliary. The main characters analysed by the author of this article are Sonya Marmeladova from the novel "Crime and Punishment" and Marya Timofeevna Lebyadkina from the novel "Demons". This choice of characters is not accidental. The Limp is an example of the classic holy fool in Dostoevsky's works, and the foolishness of Sonechka Marmeladova is still questioned by some researchers. The analysis of two different images of holy fools will help to identify the similarity that, according to Dostoevsky, was at the heart of the phenomenon of foolishness. It is also supposed to appeal to the image of Lizaveta Smerdyaschaya, Prince Myshkin and Alyosha Karamazov. The fool is not perceived by the author as a madman, but as a person from the opposite perspective, who reduces what exists and obeys only internal causation.

Keywords: *the holy fool, the philosophy of Fyodor Dostoevsky, anthropology, duality, consciousness, God, man, the human in man.*

Введение

В своей книге «Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники» Д. С. Мережковский задается двумя вопросами: «что это за странный писатель, с неумолимым любопытством “копающийся” только в болезнях, только в самых страшных, позорных язвах души человеческой, вечно бередящий эти язвы, как будто не может или не хочет говорить о другом» [Мережковский 1995: 114] и «что это за странные герои – эти “блаженненькие”, кликуши, сладострастники, юродивые, бесноватые, идиоты, помешанные» [Там же].

Несмотря на общий и непрекращающийся интерес к героям-юродивым в творчестве Ф. М. Достоевского многие из них до сих пор остаются неисследованными, а те, которые кажутся исследованными, практически не получили философского осмысления. В первую очередь, на наш взгляд, это связано с самим образом юродивого, который видел и создавал Ф. М. Достоевский в своих произведениях. В обыденном сознании за юродивыми закрепилась слава сумасшедших. Этому же способствовала европейская интеллектуальная и культурная традиция, которая через Мишеля Фуко говорила ис-

ключительно о шизофрениках [Фуко 2010]. До сих пор в ряде европейских языков, а именно в английском, французском, немецком и итальянском, нет отдельного слова для передачи смысла феномена юродства. Юродивый в этих языках обозначается тем словом, которое в первую очередь имеет коннотацию «глупый, сумасшедший». В английском языке – это *fool*, в итальянском – *matto*, во французском – *fou d'esprit*, в немецком – *närrisch*. Кроме того, начиная с Платона европейская философская мысль стала воспринимать двойственную природу человека как разделение на душу и тело [Платон 2022]. А если человек раздваивается на душу и тело, а не внутри одного сознания, то он всегда живет в тождестве бытия и мышления, как завещал Парменид. Такой человек не принадлежит субъективности, не грезит, не живет, приоритизируя внутренний опыт, а значит, он может быть либо здоровым, либо больным. Все это способствовало тому, что осмыслять юродство как отдельный феномен стало возможным полноценно именно в русской интеллектуальной традиции. Одной из первых масштабный философско-антропологический анализ юродства предложила профессор Н. Н. Ростова в своей диссертации «Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради» [Ростова 2008]. Однако образы героев-юродивых Ф. М. Достоевского там затронуты не были.

Самой ранней попыткой со стороны Ф. М. Достоевского создать героя-юродивого нам представляется образ Макара Девушкина из романа «Бедные люди» [Достоевский 2020а]. Далее Достоевским будет создана целая панорама из образов юродства. Юродивые у него будут при этом очень разные, например, Алеша Карамазов «непременно из таких юношей вроде как бы юродивых, которому попади вдруг даже целый капитал, то он не затруднится отдать его по первому даже спросу» [Достоевский 2020б: 30]. Для него Бог – это «тот горизонт, внутри которого ты актуально можешь выстроить то, что дано потенциально» [Ростова 2021: 383]. А сестра старухи-процентщицы Лизавета остается образом таинственным и нераскрытым. Князь Лев Николаевич Мышкин из романа «Идиот», которого Рогожин называет юродивым, был для Ф. М. Достоевского попыткой создать образ положительно прекрасного человека. Однако, несмотря на обилие материалов для исследования, в данной статье мы сосредоточимся на анализе двух образов героев-юродивых, явленных в романном пространстве

Ф. М. Достоевского, а именно на Соне Мармеладовой и Марье Тимофеевне Лебядкиной.

«Двойственный человек» Ф. М. Достоевского

За несколько лет до смерти в своем письме художнице Е. Ф. Юнге Ф. М. Достоевский напишет: «Что Вы пишете о Вашей двойственности? Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся с такой силой, как у Вас. Вот и поэтому Вы мне родная, потому что это *раздвоение* в Вас точь-в-точь, как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это – большая мука, но в то же время и большое наслаждение. Это – сильное сознание, потребность самоотчета и присутствие в природе Вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству» [Достоевский 2018: 186–187]. О каком раздвоении здесь говорит Ф. М. Достоевский? Совсем не о том, о котором на протяжении всего своего существования говорила европейская философия, то есть не о раздвоении на душу и тело, а о раздвоенности человека внутри одного своего сознания. Человек, как постулировал Ф. М. Достоевский в одном из выпусков «Дневника писателя» за октябрь 1876 г., – это тот, кто всегда «с раздвоенной жизнью и высшим прозрением» [Его же 2021: 462]. Он, как герой «Записок из подполья», болен, потому что «слишком сознавать – это болезнь, настоящая полная болезнь» [Достоевский 2019а: 598]. Он, как герой «Двойника», который после скандала на дне рождения Клары Олсуфьевны, дочери своего благодетеля Олсуфия Ивановича Берендеева, внезапно обнаружил, что раздвоился: «...тот, кто сидел теперь напротив господина Голядкина, был – ужас господина Голядкина, был – стыд господина Голядкина, был вчерашний кошмар господина Голядкина, одним словом был сам господин Голядкин» [Достоевский 2020в: 169]. В чем проявляется двойственность человеческой природы? В том, что человек живет распятым между действительностью и грезой. У него, как у Голядкина, в реальности не получается совершить даже самых обычных действий: желая поздравить Клару Олсуфьевну, он сбивается и замолкает, желая пригласить ее на танец, он спотыкается и конфузится. Он живет со сниженной реакцией на мир, потому что грезит и сосредоточен не на внешнем, а на своем внутреннем. Картина его мира отличается от мира, а его чувство реальности предваряет реальность. Ему, как герою «Записок из подполья», никакого дела нет

до того, что на месте дворца курятник, ведь он грезит о дворце. Он живет не внешним причинением, то есть аффектом, а внутренним, то есть эмоцией. У него сломан инстинкт, и он сам себя терзает образами. Раздвоенный человек выбирает одиночество и молчание, которые дают ему необходимую дистанцию между ним и миром, момент свободы, зазор, благодаря которому он сможет развернуться к самому себе. Именно для такого двойственного человека возможно юродство там, где невозможно оно для человека с раздвоением на душу и тело.

Хромоножка: антропология юродства в романе «Бесы»

Марья Тимофеевна Лебядкина, или Хромоножка, – один из самых притягательных образов юродства в творчестве Ф. М. Достоевского. Именно она и Лизавета Смердящая из «Братьев Карамазовых» наиболее похожи на классических юродивых. Во многом поэтому было очень мало исследований феномена юродства в творчестве Ф. М. Достоевского, не затрагивающих образ Хромоножки. Глава четвертая первой части романа «Бесы» так и называется «Хромоножка», именно в ней мы и знакомимся с Лебядкиной, о существовании которой до этого говорили только намеками. Первый раз мы застаем героиню, сидящую при свете тоненькой свечи, а перед ней на столе лежит маленькое деревянное зеркальце, старенькая колода карт и старая книжка. Марье Тимофеевне около тридцати лет, она болезненно худощава, одета в серое ситцевое платье, а жидкие темные волосы ее собраны в пучок. Она набелена, нарумянена, и даже губы ее чем-то намазаны, а в ее радостном взгляде читается что-то мечтательное. Шатов говорит, что она страдает какими-то нервными припадками. Они случаются с ней несколько раз в день, после чего она забывает все, что было до. Живет Марья Тимофеевна с братом, капитаном Лебядкиным, который ее постоянно бьет.

Анализируя этот образ, С. Н. Булгаков в своей работе «Русская трагедия» будет говорить о царстве света и царстве тьмы в романе. Наиболее ярким представителем царства тьмы будет являться Николай Всеволодович Ставрогин. Опираясь на описание внешности главного героя романа, С. Н. Булгаков напишет: «Ставрогина нет, ибо им владеет дух небытия, и он сам знает о себе, что его нет» [Булгаков 1996: 492]. Он замечает паралич личности Ставрогина, у которого личность будто кем-то выедена, а вместо лица у него маска, личина. Но одновременно с этим небытием главного героя

все нити романа, все события и связи каким-то образом сходятся именно в нем. Именно его любят все, и только вещая Хромоножка, как называет ее С. Н. Булгаков, будучи медиумом добра, «из снов своих узнает страшную тайну о том, что он самозванец, личина, скорлупа, что его нет, и этот суд Хромоножки, или высшей силы, через нее гласящей, окончательно решает судьбу Ставрогина» [Булгаков 1996: 493]. Именно после этого, по мнению С. Н. Булгакова, Ставрогин соглашается на убийство Лебядкиной. Хромоножка и является представительницей царства света, она «ясновидящая, из рода сивилл, которые читают в книге судеб с закрытыми глазами» [Там же: 494]. Несмотря на это и она не принадлежит к положительным героям и не является олицетворением добра. Она живет под щитом своей уродливости, слабоумия и юродства, которые защищают ее от зла и делают открытой добру. «Ее охраняет от злых чар покров чистой женственности; это не дурная, бесплодная, ведовская женственность колдуньи, но исполненная воли к материнству, и в девственности своей не хотящая бесплодия, – отблеск немеркнувшего света “Девы и Матери”» [Там же: 495]. Именно этим объясняет Булгаков ее фантазии о ребенке, которого она родила, а потом утопила. Отказывая Лебядкиной в религиозном начале, С. Н. Булгаков, опираясь на теософский язык, пишет о том, что ее видения являются астральным ясновидением, а не религиозным вдохновением. Хромоножка – сивилла, как уже было сказано выше, но не пророчица. Ее пронизывают нездешние лучи, она слышит потусторонние голоса, поэтому ее не может обмануть личина Ставрогина. Но, несмотря на это, «и ее нет, как лица, как индивидуальности, она вся как будто расщеплена своим слабоумием, юродивостью, даже своим ясновидением» [Там же]. Опираясь на Платона, который писал о людях, чей пророческий дар связан не с головой и сердцем, а с печенью [Платон 1994], он делает вывод о принадлежности Хромоножки к дохристианской эпохе: «...она праведна и свята, но лишь естественной святостью Матери Земли, природной мистики, живет от “слов, написанных в сердцах язычников”, и еще не родилась к христианству» [Булгаков 1996: 495]. Она, по С. Н. Булгакову, «разумеет шепот Додонского дуба, прислушивается к органическому лепету пифийской жрицы на ее треножнике и пророчеству весталки» [Там же], но она не знает Бога, который соединил в себе божеское и человеческое, очеловечился, чтобы человек обожился, и возшел на Голгофу во имя свободы людей.

В. И. Иванов продолжает линию С. Н. Булгакова в осмыслении образа Марьи Тимофеевны Лебядкиной. По его мнению, создавая образ Хромоножки, Ф. М. Достоевский хотел показать, как «Вечная Женственность в аспекте русской Души страдает от засилия и насильничества “бесов”, искони борющихся в народе с Христом за обладание мужественным началом народного сознания» [Иванов 1996: 511]. А так же как бесы обижают саму Богородицу – именно этим объясняет эпизод поругания иконы В. И. Иванов. Он называет Хромоножку медиумом Матери-Земли и пишет о том, что она представляет Душу Земли Русской.

Несмотря на интересные толкования С. Н. Булгаковым и В. И. Ивановым образа Хромоножки, мы будем утверждать, что этого недостаточно для понимания феномена юродства в творчестве Ф. М. Достоевского. Марья Тимофеевна Лебядкина – лишь одна из ряда героев-юродивых, которые были созданы писателем в его произведениях. Такие герои, как, например, Сонечка Мармеладова и Алеша Карамазов, тоже являются юродивыми, что прямо следует из текстов Достоевского, однако у них не помутнен разум и нельзя говорить о какой-то корреляции, например, между Соней и Богородицей. А значит, есть что-то другое, что объединяет всех героев, которых Достоевский делает юродивыми, и, на наш взгляд, это стремление к радикальной редукции наличного, приоритет внутреннего опыта над внешним, которые возможны у Достоевского только в том случае, если мы говорим о человеке с раздвоенным сознанием. Также нам кажется важным обратить внимание на то, что образ Лебядкиной не видится нам расщепленным, скорее наоборот, живя в царстве видений и грез, она принадлежит субъективности, а значит, преодолевает бессмысленность мира, являя в него свои грезы как смыслы. И именно это представляется нам единственным специфически человеческим способом существовать, единственной возможностью для человека оставлять следы в реальности.

Итак, когда Шатов с гостем приходят к Марье Тимофеевне, для рассказчика, узнавшего ранее об избиениях, которые терпит Хромоножка от своего брата, становится странным, что он застал улыбающуюся, тихую, спокойную и радостную женщину. В этом есть какое-то противоречие, ведь человек, которого бьют, не может быть ни спокоен, ни счастлив. Но Марья Тимофеевна существует не в реальности, а в грезе, а значит, все действительное не имеет над ней практически никакой власти. Шатов заводит с ней разговор,

а Марья Тимофеевна замечает, что он часто скучает: «...странно мне на вас всех смотреть; не понимаю я, как это люди скучают. Тоска не скука. Мне весело» [Достоевский 1996: 91]. В этом слышится какое-то отрезание себя от других людей, как будто она к ним не принадлежит. Скучает кто? Тот, кто не грезит. Про Лебядкина, который ее бьет, она говорит, что тот ее лакей, а Шатов добавляет от себя, что хоть брат ее и избивает, а она его ничуть не боится. И вообще она мало что помнит и, скорее всего, уже на их месте представляет совсем других людей, ведь чуть только перестанешь с ней разговаривать, «она тотчас же перестает слушать и тотчас же бросается мечтать про себя, именно бросается» [Там же]. «Мечтательница чрезвычайная, – продолжает Шатов, – по восьми часов, по целому дню сидит на месте» [Там же]. Именно эта мечтательность и позволяет Хромоножке абстрагироваться от реальности, не скучать, не страдать от того, что ее брат избивает, а жить так, как дано жить только человеку с сознанием. Дальше Марья Тимофеевна рассказывает о том, как в монастыре была и что, как ей кажется, родила ребенка. Этот эпизод проанализирован исследователями уже не один раз, как и было показано в статье ранее, однако мы хотим сосредоточиться на том, что, на наш взгляд, от них ускользнуло. Марья Тимофеевна рассказывает о том, как она в монастыре плакала, но не от горя: «Ничего-то нет в этих слезах дурного; и хотя бы и горя у тебя какого не было, все равно слезы твои от одной радости побегут» [Там же: 92]. Это замечание кажется нам важным потому, что из него становится очевидным, что Марья Тимофеевна внутренне воздействует сама на себя эмоцией и не допускает воздействия внешнего, то есть аффекта. То, что она чувствует и делает, является результатом внутреннего причинения и не имеет никакого отношения к реальности.

Продолжая разговор, Шатов спрашивает у нее, а что, если ребенка не было и все это один только бред ее. Марья Тимофеевна отвечает: «Трудный вопрос задаешь мне, Шатушка, – раздумчиво и безо всякого удивления такому вопросу ответила она, – на этот счет я тебе ничего не скажу, может, и не было; по-моему, одно только твое любопытство; ведь я все равно о нем плакать не перестану» [Там же: 93]. Здесь мы очень четко видим, что она не отличает мир от картины мира и не только не отличает, но не представляет возможным отличить, да и смысла нет, ведь ее реакции – это результат ее воздействия на саму себя. При помощи воображения она достраивает реальность и не отличает реальное от выдуманного.

Соня Мармеладова: антропология юродства в романе «Преступление и наказание»

Стоит сразу оговориться, что Соня Мармеладова не единственная юродивая в этом произведении. Через мысли Раскольникова Ф. М. Достоевский дает нам понять, что и Лизавета, сестра старухи-процентщицы, убитая Родионом, тоже юродивая. Она, по словам Сони, была справедливая, они вместе Евангелие читали, говорили, и Лизавета обязательно Бога узрит. Помня об этом, мы все же предпочтем сосредоточиться на анализе образа Сонечки Мармеладовой.

Впервые с Соней Мармеладовой не заочно мы знакомимся в седьмой главе второй части романа, когда умирает ее отец Мармелад, раздавленный лошадьми. Она появляется в доме отца в грошовом наряде, но разукрашенном по-уличному, «под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире, с ярко и позорно выдающеюся целью» [Достоевский 2019б: 197]. Раскольников отдает последние деньги на похороны Мармеладова, и позднее Сонечка приходит от Катерины Ивановны, чтобы его благодарить, пригласить на поминки, и оставляет свой адрес. Измученный своим преступлением Раскольников приходит к Соне и заводит с ней разговор о жизни и будущем ее братьев и сестер. Сначала Раскольников спрашивает у Сони, что будет с сиротами, если она заболит и ее в больницу свезут? «Ах, что вы, что вы! Этого-то уж не может быть» [Там же: 341], – восклицает Сонечка. Раскольников с усмешкой спрашивает, не застрахована ли Соня, ведь от жизни-то, по его мнению, никто не может быть застрахован. Но Сонечка отвечает: «Бог этого не попустит!» [Там же]. На протяжении всего разговора складывается такое ощущение, как будто Раскольников говорит с позиции реальности, а Сонечка с какой-то другой, только ей ведомой действительности, где уповают на Бога. Раскольников приводит вполне жизненные аргументы, усмехаясь, издеваясь и терзая Соню, а та все их отвергает в надежде на Бога. «С Полечкой, наверно, то же самое будет» [Там же: 342], – продолжает Раскольников разговор. «Нет! Нет! Бог, Бог такого ужаса не допустит! Нет! Нет! Ее Бог защитит, Бог!» [Там же] – кричит Соня в ответ, как отчаянная. А Раскольников говорит, что Бога-то, может, и нет. Лицо Сони вдруг страшно меняется, она закрывает его руками и начинает горько-горько рыдать. «Юродивая! Юродивая!» [Там же: 346], – постоянно твердил про себя Раскольников во время встречи с Соней. Он говорит ей,

что она напрасно себя предала и умертвила, что никому она этим не помогает и ни от чего не спасает, что гораздо разумнее было бы утопиться и покончить со всем этим, а еще удивляется, как в ней такой позор и такая низость рядом со святыми чувствами уживаются. Он удивляется, как она в таком положении не сошла с ума, что же ее поддерживало? Ведь «этот позор, очевидно, коснулся ее только механически; настоящий разврат еще не проник ни одной каплей в ее сердце: он это видел; она стояла перед ним наяву...» [Достоевский 2019б: 344]. В голове Раскольникова, который мыслит категориями реальности, роятся вопросы: «Но кто же сказал, что она не сошла с ума? Разве она в здравом рассудке? Разве так можно говорить, как она? Разве в здравом рассудке так можно рассуждать, как она? Разве так можно сидеть над погибелью, прямо над смрадной ямой, в которую уже ее втягивает, и махать руками, и уши затыкать, когда ей говорят об опасности? Что она, уж не куда ли ждет? И наверно так. Разве все это не признаки помешательства?» [Там же: 345]. Соня волнует Раскольникова, она его поражает, ему, человеку идеи, построившему на основании логики теорию, допускающую кровь по совести, она непонятна. Она как будто отвергает жизнь, она ее игнорирует и оперирует доводами, которых нет в эмпирической реальности. На реальность она отвечает Богом, на законы земли – законами неба. Соня сохраняет внутреннюю чистоту при внешней грязи. И Раскольников не понимает, как же ей это удастся. Она приоритизирует внутренний опыт и очень мало значения придает внешнему, живет не в мире, а в картине мира. Соня отдает себе отчет в репрессивности и жестокости мира, где дети могут голодать и трястись от страха, где такая справедливая Катерина Ивановна бьется головой о стену, задыхаясь от кровавого кашля, но она также знает, что не может этого изменить. А что она может изменить? Свое внутреннее, оно полностью зависит от нее. И то, что Раскольникову кажется ее безумием, есть, как писал Ф. И. Гиренок, «русское безумие юродивого. Это сумасшествие того, кто в земном мире хочет жить по законам небесного» [Гиренок 2023]. Что для этого нужно? Сознание, которое есть сенсориум, где спрятано, по Ф. И. Гиренку, чувство бога, чувство времени, чувство реальности и чувство самого себя. Именно оно делает человека не частью природы, а ее пределом. Чувство самой себя удерживает Соню от проникновения в нее грязи, которой она касается, живя по желтому билету. Чувство Бога помогает ей не жить связями внешней причинности в мире наличного, а верить, что Бог зла не допустит. Чув-

ство реальности помогает ей продолжать верить, что Бог не попустит, чтобы сестра по желтому билету жила. Чувство времени помогает ей созерцать саму себя и длить грезы, удерживая их в мире.

Выводы

Один из законов юродства, согласно Ф. И. Гиренку, состоит в том, «чтобы говорить правду и объявлять неправдой все, что не находит отклика в твоём чувстве» [Гиренок 2023]. Это значит, что мир юродивого будет распадаться на реальность и грезу, тогда как в желании шизофреника они будут совпадать. Соня Мармеладова и Марья Тимофеевна Лебядкина объявляют правдой только то, что находит отклик в их внутреннем опыте, и пренебрегают тем, что не находит. Таким образом, внутреннее для них гораздо более значимо и очевидно, чем внешнее, хотя первое в отличие от второго остается неявленным. Каждая из них обладает сознанием, в котором появился второй план, именно благодаря ему в мире появляются мнимости и данное, а человек ускользает от того, чтобы быть частью сущего. Внутреннее юродивого имеет исток в нем самом, а вся жизнь становится тем, что определяется внутренним миром и не имеет никакой внешней детерминации, а также связи с наличным. Реальность, напротив, будет являться производной от грез, ведь ее будет предварять чувство реальности, и внешний мир станет тем, что учреждено в согласии с законами внутреннего. Именно в этом, на наш взгляд, и будет заключаться то главное, что объединяет всех героев-юродивых, созданных Ф. М. Достоевским.

Литература

Булгаков С. Н. Русская трагедия / Ф. М. Достоевский // Бесы: Роман в трех частях; «Бесы»: Антология русской критики. М. : Согласие, 1996. С. 489–507.

Гиренок Ф. И. Безумие галлюцината, безумие поэта [Электронный ресурс] : Журнал «Нож». 2023. 28 февраля. URL: <https://knife.media/sulphida/> (дата обращения: 30.09.2023).

Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях / Ф. М. Достоевский // Бесы. Роман в трех частях; «Бесы»: антология русской критики. М. : Согласие, 1996. С. 5–434.

Достоевский Ф. М. Письма 1872–1881. М. : Т8 RUGRAM, 2018.

Достоевский Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. повестей и рассказов в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2019а. С. 596–674.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман. М. : Эксмо, 2019б.

Достоевский Ф. М. Бедные люди / Ф. М. Достоевский // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020а. С. 5–120.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М. : Эксмо, 2020б.

Достоевский Ф. М. Двойник / Ф. М. Достоевский // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020в. С. 121–270.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021.

Иванов В. И. Основной миф в романе «Бесы» / Ф. М. Достоевский // Бесы: Роман в трех частях; «Бесы»: Антология русской критики. М. : Согласие, 1996. С. 508–512.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М. : Республика, 1995.

Платон. Тимей / Платон // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994. С. 421–500.

Платон. Федон / Платон // Диалоги. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 167–250.

Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради: дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.

Ростова Н. Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М. : Проспект, 2021.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2010.